

УДК 94(470):372.8
ББК 63.3(2):74

Иванов В.Г., кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории и политологии ТвГТУ
Долгова Т.В., доцент кафедры истории и политологии ТвГТУ

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРИОРИТЕТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблемы предназначения исторического образования, его ценностно-мировоззренческого и социально-практического потенциала до сих пор остаются в центре дискуссий как научно-педагогического сообщества, так и политических течений современной России. Состояние форсированного социального транзита (модернизации), переориентация страны на западную модель общественного устройства сопровождаются (зачастую иницируются) радикальными трансформациями общественно-го сознания, включая сознание историческое, которое представляет собой не только совокупность знаний людей о прошлом, но и их ценностное отношение к историческим фактам, представления о влиянии прошлого на современность и будущее.

История, как и многие социально-гуманитарные научные дисциплины, помимо познавательных задач всегда в той или иной степени выполняет идеологическую функцию. Образ прошлого всякий раз модифицируется современностью, происходит переинтерпретация исторических фактов, меняется сама структура объектов исторического интереса. Так, в советский период акцентировались исторические факты, которые иллюстрировали верность марксистско-ленинского мировоззрения, формационного подхода, державные достижения реального социализма и углубление общего кризиса мирового капитализма. Тем самым достигались весьма высокая легитимность коммунистического режима, мобилизация общества на форсированные и масштабные преобразования, массовый героизм и добровольная социальная жертвенность. Иными словами, обеспечивалась адекватность исторического сознания (при всей его мифологичности) стратегии коммунистического строительства. Эта идеологическая парадигма органично продолжала традицию приоритета державных ценностей в трактовке истории, характерную для официальной историографии российского самодержавия.

Лавинообразное крушение реального социализма в сочетании с демонстрационным эффектом западной цивилизации мгновенно девальвировали прежние парадигмальные основы и ценностно-идеологические подходы представителей научного сообщества и политического истеблишмента к отечественной истории. Хотя в Конституции России 1993 года был однозначно зафиксирован принцип

деидеологизации государства, само ее содержание явилось не чем иным, как Манифестом либеральной демократии со всеми ее экономическими, социальными и политико-правовыми атрибутами.

Если принять на веру допущение о безальтернативности либерально-демократической модернизации России, то логично предположить и безальтернативность соответствующей трансформации общественного сознания и сознания исторического. Очевидно, что либерально-демократические институты не смогут полноценно выполнять свои функции, если их нормативное и ценностное содержание не будет интернализировано, т.е. не превратится в систему внутренних регуляторов поведения и социальных практик значительной части общества. «Демократизация власти и управления должна неизбежно поддерживаться людьми, в сознании которых нормы гражданского достоинства и гуманизма, идеалы свободы и ответственности превратились в устойчивые культурные доминанты их помыслов и действий», – утверждает современный российский политолог А.И. Соловьев [4].

Многие исследователи прошлого и настоящего справедливо считают, что проблема интернализации как раз и является фундаментальной для стран демократического транзита и в первую очередь для современной России. «До тех пор, пока обновление духа не состоится, надо предвидеть, что всякая попытка ввести в стране последовательный демократический строй будет приводить или к правлению черни (т.е. массы, нравственно разнузданной и лишенной чувства собственного достоинства, не имеющей ни чувства ответственности, ни свободной лояльности), или же к новой тоталитарной тирании справа. Демократы, не думающие об этом и не предвидящие этого, не понимают ни существа демократии, ни тоталитарного строя», – отмечал И.А. Ильин [1]. Подтверждает данную оценку применительно к современности А.С. Панарин: «Мы видим, как и сегодня, после краха тоталитарного режима, «беспредел» различного рода языческого бесовства, не знающего внутренних ограничений (ни в казнокрадстве и коррупции, ни в сепаратистских националистических амбициях, ни в разгуле преступности), снова искушает и провоцирует демонологию тоталитаризма» [2]. «Попытки демократизировать российское общество зачастую опираются на культурные нормы мышления и поведения граждан, прямо противоположные целям демократической реформации. А массовость подобного рода фактов дает определенные основания заключить, что современная культура власти в значительной степени является фактором стагнации, а не продвижения общества к демократии», – заключает А.И. Соловьев [4].

Все это обуславливает необходимость селективности исторического познания и исторического образования при определении их предметных приоритетов в целях формирования исторического сознания, адекватного стратегии «демократической реформации». На первый взгляд, такое утверждение может восприниматься как нарушение принципа объективности, стремление оправдать идеологическое манипулирование историческими фактами. Однако на практике по целому ряду объективных

причин историческое познание всегда селективно. Во-первых, потому что его объект – вся прошлая социальная реальность – по своему содержанию неисчерпаем, всеобъемлющая реконструкция прошлого в человеческом сознании невозможна. Поэтому любое историческое исследование и любая историческая учебная дисциплина в конечном итоге неизбежно субъективны и избирательны. Другое дело, что субъективность может иметь различную природу. В одном случае речь идет о субъекте, стремящемся к объективной истине; в другом – о субъекте, стремящемся манипулировать историей вопреки объективной истине и в угоду интересам, далеким от научных. Во-вторых, историческое познание всегда социально обусловлено во многих отношениях. Историческая наука развивается не только путем приращения новых знаний, но и через перманентное переосмысление и переоценку прошлого с позиций меняющейся современности, постоянно модифицирующихся мировоззренческих и ментальных систем. В-третьих, постоянно изменяется «социальный заказ» на объяснительные и ценностно-нормативные ресурсы исторического знания, поскольку на каждом этапе развития общество сталкивается с новыми комплексами проблем – «вызовов» (А. Тойнби), источники которых лежат в прошлом и требуют осмысления через новый адресный анализ исторического наследия.

Из этого следует, что надежды обеспечить рафинированную объективность и неангажированность исторической науки и исторического образования на самом деле являются беспредметной мечтательностью. «Превращая исторический анализ в дискурс непрерывности, а человеческое сознание – в исходный субъект становления и практики, – утверждал М. Фуко, – мы сталкиваемся с двумя сторонами одной и той же

системы мышления. Время, понятое в рамках всеобщности и революций, никогда не было на самом деле ничем иным, кроме как моментом сознания» [5].

В известной авторам современной отечественной нормативно-методической литературе не просматривается ориентация на селективный подход. К примеру, в проекте концепции исторического образования в общеобразовательных учреждениях РФ, подготовленном коллективом специалистов по поручению Минобрнауки, резонно указывается на необходимость *приведения преподавания истории в соответствие с потребностями страны в XXI веке* (курсив. – авт.). Однако в последующих тезисах документа отсутствует какая-либо конкретизация и отражение специфики этих потребностей. Как и прежде, функциональная составляющая исторического образования отличается чрезвычайной абстрактностью и прожектерством. Для наглядности процитируем трактовку основных функций исторического образования. Познавательно-развивающая функция, по мысли разработчиков, «заключается в приобретении научных знаний, раскрывающих основные закономерности функционирования общества *во всей (!?) его противоречивости и многообразии* (курсив. – авт.).

Познавательно-обучающая – претендует на формирование умений и навыков самостоятельного поиска научных знаний (?), работы с историческим материалом (?), его систематизации и анализа. Воспитательная – ориентирует на формирование личности, ответственной перед обществом и государством [3].

Мы же исходим из того, что ведущей целью исторической науки и исторического образования является поиск ответа на вопрос: каким образом прошлое влияет на настоящее и предопределяет будущее в контексте актуальной проблематики нынешнего состояния нашего общества. Поэтому ключевая тематика исторических дисциплин должна включать в себя определение факторов формирования и особого содержания цивилизационной самобытности России в основных сферах общественной жизни. Другими словами, наше прошлое необходимо представить как естественно-исторический процесс, определяемый комплексом уникальных условий развития, необходимо детерминирующих и уникальный тип организации общества. В результате преодолеваются крайности западнических обличений российского народа во врожденной культурно-цивилизационной неполноценности и крайности безоглядной псевдопатриотической идеализации отечественной истории.

Этот же подход позволяет в системной форме объяснить объективную необходимость нынешней модернизации России путем выделения специфики новых «вызовов» постиндустриальной современности, их соотношения с нашим культурно-историческим наследием. И здесь важнейшей проблемой выступает характер отношений государства и общества, в частности обоснование на исторических примерах неизбежности перехода от державно-этатистских моделей сознания и поведения всех субъектов общественных отношений к гражданско-гуманистической модели, которая сочетает в себе ценности свободы и социальной ответственности, неприятие национализма, радикализма и экстремизма и в то же время неприемлемость гражданского эскапизма и социального эгоцентризма.

Акцентирование в содержании исторического образования указанной проблематики, на наш взгляд, сможет содействовать преодолению аморфного характера исторического образования и повысить его функциональную продуктивность как мировоззренческой основы социализации молодого поколения, адекватной стратегии либерально-демократической модернизации российского общества.

Библиографический список

1. Ильин, И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х т. Т. 1 / И.А. Ильин. М.: МР «Paror», 1992. С. 29.
2. Панарин, А.С. Политология: учебник / А.С. Панарин. М.: «ПРОСПЕКТ», 1998. С. 17.
3. Проект концепции исторического образования в общеобразовательных учреждениях РФ // <http://www.distedu.ru>.

4. Соловьев, А.И. Культура власти современного Российского общества / А.И. Соловьев. М.: О-во «Знание» Российской Федерации, 1992. С. 3.
5. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 29.